
Кристина Киселева
Асинхрон

Кристина Киселева
Асинхрон

https://litres.ru/74778663
SelfPub; 2026

Аннотация

Научно фантастический роман о цене открытия и силе человеческого выбора.

Экспедиция «Персея» прибывает к планете Кайрос, где само время течет неравномерно: в одних зонах оно ускоряется, в других — замедляется, разрывая не только пространство, но и судьбы. Для биолога Ханы несколько часов в «быстрой» зоне оборачиваются прожитым годом, а связист Юн Дэхён оказывается отрезан от команды разломом и проводит в одиночестве четырнадцать лет своего личного времени.

Перед командой встает мучительный выбор: принести жертву ради спасения всех или попытаться найти иной путь — и не превратить величайшее открытие в приговор планете. А когда «Персей» наконец покидает орбиту Кайроса, сквозь пустоту приходит короткий, ровный сигнал — знак, что кто-то там, в центре чужого времени, все еще держит ритм.

Кристина Киселева
Асинхрон

АСИНХРОН

Роман

Автор: Киселева Кристина Александровна

Тюмень, 2026

СТРУКТУРА КНИГИ

Часть I. Прибытие (гл. 1–7) Экспедиция «Персея» выходит на орбиту планеты Кайрос, где приборы фиксируют невозможное: время в разных точках поверхности течет с разной скоростью. Разведзонд возвращается постаревшим на шесть лет. Высадка в «нейтральном» меридиане. Первые вылазки в быстрые и медленные зоны: биолог Хана Сато проводит на поляне два часа и возвращается постаревшей на три недели.

Часть II. Разделение (гл. 8–14) Сейсмика рвет базу на изолированные временные карманы. Связь между группами есть, но она «плывет»: сообщение, отправленное утром, приходит через месяц субъективного времени собеседника. Связист Юн Дэ-хен остается в медленной долине один — для него там идут годы, для остальных — дни. Его письма становятся нервом книги.

Часть III. Сердце (гл. 15–21) Астрофизик Даниэль Мора вычисляет источник: в толще планеты — естественная кристаллическая решетка, «резонатор времени», а в ее центре — Колокол, место, где все течения сходятся. Чтобы выровнять время и спасти отрезанных, нужно раскрутить Колокол. Цена: кто-то должен остаться в поле синхронизации — субъективно на десятилетия. Жизнь планеты, породившая эту асинхронию, при выравнивании погибнет.

Часть IV. Возвращение (гл. 22–26) Мораль развязки, жертва Даниэля, спасение Юна, состарившегося за счет разницы на семь лет. Прощание. Эпилог: годы спустя «Персей» получает сигнал от Колокола.

ПРОЛОГ

Шесть лет до высадки. Орбитальная станция «Гелиос», сектор Тау Кита

Даниэль Мора умел спать в любой позе и при любой гравитации, но в ту ночь не спал. Он сидел в обсервационном отсеке, положив локти на холодный подоконник, и смотрел на маленькую серую точку в созвездии Кита — точку, которую в каталоге звали безлико, K-4471c, а в рапортах — планета Кайрос.

Рядом с ним на стекле была приклеена фотография: университетский коридор, девушка с растрепанной косой держит в руках две кружки кофе. Подпись от руки, уже выцветшая: «Время — единственное, что мы действительно тра-

тим. Не разбазаривай».

Сестра написала это за неделю до того, как ее не стало.

— Ты опять здесь, — раздалось за спиной.

Анна Верес, командир «Персея», вошла без звука — сквозняк от двери выдал ее раньше шагов. Ей было сорок семь, и на орбитальных сменах она выглядела на все пятьдесят: усталость у командиров не старит, а сушит.

— Я опять здесь, — согласился Даниэль. — Анна, посмотри на спектры. Я пересчитал трижды.

— И?

— И либо наши атомные часы врут все восемь, либо у этой планеты нет единого настоящего.

Анна молчала. За иллюминатором медленно ползла серая точка — еще далекая, но уже не абстракция из каталога.

«— Объясни по-человечески», — сказала она наконец.

— На Земле время везде одинаковое. Замедляется чуть-чуть возле массивных тел, чуть-чуть на скорости — но это микроскопические проценты. А здесь… — он развернул планшет, и на нем поплыли кривые, несимметричные, будто нарисованные пьяной рукой. — Здесь перепад. Один час у полюса — это восемнадцать часов на экваторе. Не гравитация: масса планеты слишком мала. Не излучение. Что-то другое. Что-то, что я не умею назвать.

— Значит, назовем по-другому, — Анна села рядом, глядя на точку. — У тебя сорок минут, астрофизик. Дальше — совещание, и ты скажешь это же, только на шестерых.

— Анна. — Он поднял на нее глаза. — Если это правда… то там, внизу, нет «сейчас». Там тысячи сейчас. И мы не знаем, в какое из них приземлимся.

«— В свое», — сказала Анна. — В какое нам достанется.

Точка за иллюминатором была уже не точкой. Была планетой.

ГЛАВА 1. Часы, которые соврали

Их было шестеро, и каждый по-своему ненавидел пробуждение из холодного сна, поэтому просыпались по очереди — так было задумано еще на Земле, чтобы кто-то всегда оставался трезвым и злым.

Первой проснулась Хана Сато. Биолог, тридцать четыре года, маленькая, быстрая, с вечной расческой в кармане, потому что «на орбите волосы — это биологический терроризм». Она провела ладонью по лицу, сказала «ладно», и понеслась.

Вторым — Кай Асланов, инженер, которому сорок, и который каждую экспедицию клялся, что она последняя, а потом первым полез в люк.

Третьим проснулся Даниэль. Он проснулся плохо.

Юн Дэ-хен, связист, проснулся последним и проснулся хорошо — он всегда просыпался хорошо, чем бесил весь экипаж.

Ирен Вальдес, врач и по совместительству психолог, спала отдельно ото всех: ее будили, когда будить было уже нельзя.

А Анна Верес не спала вовсе.

Совещание шло сорок минут и закончилось тем, что должно было закончиться.

— Повторяю для протокола, — Анна стояла у главного экрана, за которым серел Кайрос: планета без колец, без ярких пятен, серо-зеленая, как старое море. — Планета расположена на комфортной орбите, атмосфера пригодна, вода есть, жизнь по спектрам — есть. Все это мы знали восемь лет назад. Чего мы не знали — этого неделю назад прислали из обсерватории «Гелиос».

На экране развернулись графики Даниэля.

— Часы. — Он сказал это буднично, как прогноз погоды. — Все восемь бортовых эталонов после гравитационного маневра у планеты разошлись. Не на миллисекунды. Одни отстали на сорок минут, другие ушли вперед на три часа. Релятивистские поправки учтены, оборудование исправно. Время вокруг Кайроса неоднородно.

— Это невозможно, — сказала Ирен. Она не спорила. Она фиксировала факт.

— Это невозможно, — согласился Даниэль. — Поэтому я предлагаю считать это гипотезой и проверить. Отправьте зонд.

— Зонд, — сказал Кай. — Хорошо. Я готовлю зонд.

— Не ты, — Анна покачала головой. — Зонд пойдет завтра. А сегодня «Персей» занимает стационарную орбиту на удалении. Никто никуда не летит, пока я не увижу эти кри-

вые три раза. Все поняли?

Все поняли. Все, кроме Юна, который спросил:

— А если часы не врут?

— Тогда, — Анна посмотрела на экран, на серую планету, — мы прибыли в место, где время — не фон. А рельеф.

ГЛАВА 2. То, что вернулось

Зонд «Стрекоза-9» ушел на рассвете — по земному счету, потому что рассветов на Кайросе было много и все разные.

Он должен был сесть в обозначенной по спектрам зеленой низменности, простоять двенадцать часов, снять пробы атмосферы, грунта, сделать съемку и вернуться. Программа «Стрекозы» не предусматривала ничего больше. Зонды не умеют удивляться — в этом их достоинство.

Через двенадцать часов он вернулся.

Первым странность заметил Кай. Он стоял у стыковочного узла и смотрел на «Стрекозу» в обзорную камеру, и смотрел он так долго, что Даниэль подошел спросить, в чем дело.

— Корпус, — сказал Кай тихо. — Посмотри на корпус.

Корпус «Стрекозы-9» был в лишайнике. Не пятнах сажи, не инее — в лишайнике: серо-зеленые наплывы, проросшие сквозь стыки, с обросшими антеннами. Двенадцать часов. За двенадцать часов лишайник не может прорасти сквозь титановый стык. За двенадцать часов лишайник вообще ничего не может, кроме как лежать и существовать.

Когда люк вскрыли, анализаторы внутри были в нале-

те. Пробоотборники — в органике. И камера с автоматической записью показала то, что Даниэль потом пересматривал одиннадцать раз.

На записи за двенадцатью часами полета — а таймкоды не врали, они просто шли в своем времени — было видно, как над низменностью восходило солнце. Восходило. Затмение. Восходило. Ночь. День. Ночь. День.

Сорок один раз.

— Двенадцать часов, — сказал Даниэль, когда они с Анной сидели в его каюте над записью. — Здесь прошло двенадцать часов. Там — сорок один день.

Анна смотрела на экран, где за минуту пробегали сорок восходов.

— А в другую сторону? — спросила она.

— В обратную сторону я послал второй зонд. — Даниэль сглотнул. — Он выйдет из обратного окна через неделю по нашему счету. Внутри него пройдет… я боюсь это называть. Меньше часа, если кривые верны.

— Он вернется через неделю и простоял там час.

— Он вернется через неделю и простоял там час, — повторил Даниэль. — Для него.

В каюте было тихо. Работал вентилятор — единственный звук во всем «Персее».

— Анна, — сказал Даниэль, — там внизу нет времени. Там есть времена. Много. И они не смешиваются.

— Хорошо, — Анна встала. Голос у нее был ровный, как

всегда, и это всегда пугало Даниэля больше крика. — Тогда мы делаем то, для чего нас создали. Лезем и смотрим.

— Анна. Посмотри на запись. Двенадцать часов — сорок дней. А если человек окажется в такой зоне не на двенадцать часов?

Анна обернулась.

«— Тогда человек должен очень быстро понять, где он», — сказала она. — И очень быстро выйти.

ГЛАВА 3. Меридиан

Высадку назначили через девять дней — столько потребовалось Даниэлю, чтобы составить первую «карту времен».

Карту эту потом на «Персее» называли не иначе как «Даниэлевы реки». Потому что выглядела она как река: планета, расчерченная на полосы, и в каждой полосе свое течение времени. Одни полосы были узкими — метры, десятки метров, — другие широкими, на километры. Текли они неравномерно, менялись, но реже, чем хотелось бы, и Даниэль, глядя на свою карту, все время возвращался к одной мысли, которую пока никому не говорил.

Реки текут не просто так. У рек есть русло. А у русла — источник.

Высадились в том, что Даниэль назвал Меридианом — узкой полосой, где кривые почти совпадали с бортовым временем. Нейтральная зона, русло между течениями. Сюда, если карта верна, можно было безопасно выйти из любой другой

полосы.

Спускаемый аппарат сел мягко, и человечество впервые за свою историю коснулось поверхности чужой планеты, не зная, который час.

Меридиан оказался плато. Плоский, как стол, серый камень, поросший чем-то вроде мха цвета выцветшей бирюзы, редкие столбы скал, ветер. Небо было бледное, солнце — маленькое, далекое. Красивой эту планету не называл никто — и все шестеро, выйдя на поверхность, стояли молча, хотя репетиция первой высадки длилась полгода.

Первым опомнился Кай.

— Ну, — сказал он, — приборы.

Приборы были в порядке. Это было лучшее, что можно было сказать о планете, и Хана немедленно нашла нечто лучшее: мох, бирюзовый мох, оказался живым, фотосинтезирующим, теплым на ощупь и — она сама не поверила — растущим. Она поставила метку, сфотографировала колонию, отошла на двадцать шагов, вернулась через сорок минут.

Колония выросла вдвое.

«— Здесь нейтрально», — сказала она по связи, и голос у нее дрожал не от страха — от восторга. — Нейтрально для нас, а для него это ускорение в разы. Вы понимаете? Это не полоса. Это градиент. Все вокруг — градиенты. Мы стоим на границе.

— Фиксируй, — сказала Анна. — База разворачивается. Вечером — совещание.

Вечером на базе — три жилых модуля, купол реактора, штырь антенны — совещание закончилось решением: завтра первая вылазка в «быструю зону». В зону, где за час здесь проходят дни.

Идти должны были двое. Хана — потому что живое интересовало ее сильнее всего, Кай — потому что кто-то должен был нести инструменты, и Кай первым вызвался.

Идти должен был не Кай.

«— Приказ есть приказ», — сказал он Анне наедине, когда все ушли. — Но ты же видишь: что-то там может пойти не так. Я единственный, кто умеет чинить «Персей» в поле. Посылай Даниэля — он хотя бы кривые читает быстрее меня.

— Даниэль останется считать, — Анна не подняла головы от планшета. — Ты идешь, потому что если там что-то сломается, там ты и починишь. А если что-то пойдет не так — я хочу там человека, который не паникует раньше, чем это становятся очевидным. Это ты, Кай. Хана паникует красиво, но с задержкой в секунды, а секунды там дорогие.

Кай молчал. Потом усмехнулся:

— Ты это говорила три года назад, когда мы штурмовали посадку на Энцеладе.

— И тогда это сработало.

— И тогда это сработало, — согласился Кай. — Ладно. Но если я состарюсь, командир, я приду старым и буду тебя этим безобразно упрекать.

— Договорились.

Он ушел. Анна осталась одна в шлюзовом отсеке, где пахло металлом и озоном, и впервые за экспедицию позволила себе сжать пальцы так, что ногти впились в ладонь.

Потому что она не сказала Кайу главной вещи, которой сама не была уверена.

Что-то в кривых Даниэля не сходилось. Узкие полосы между зонами — Меридианы — на карте были не там, где по всем расчетам должны были быть. Они лежали дугами, как будто вписанные в нечто большое, и это нечто большое имело центр.

А у всего, что имеет центр, есть сердце.

ГЛАВА 4. Двое из быстрой зоны

Вылазка началась в 09:40 по бортовому времени и должна была занять пять часов: выйти за границу Меридиана, войти в быструю зону, собрать образцы, вернуться.

В 14:35 по бортовому времени они вернулись.

Между этими точками на записи переговоров — записи, которую потом будут изучать комиссия, академии и правительства трех континентов, — остался пустой интервал в сорок минут: с 11:20 до 12:00. Связь в быстрой зоне не глохла — она плыла. Голоса растягивались, слова отставали от губ, реплики Ханы и Кайа переставали совпадать во времени, хотя отвечали они друг другу.

В 11:20 Кай сказал: «Кажется, река несет нас быстрее, чем расчет».

В 12:00 Хана ответила: «Все в порядке. Идем назад».

Между этими репликами по их субъективному счету прошло больше недели.

Они вышли на границу Меридиана первыми — Хана впереди, Кай чуть позади, приволакивая правую ногу. Ирен выскочила навстречу с аптечным кейсом, не дожидаясь команды, и это было правильно, потому что командовать уже было нечем.

Кай был ранен. Перевязанное бедро, сломанная — на их счет — три дня назад в расщелине нога, уже начавшая срастаться, потому что органика в быстрой зоне жила стремительно: раны затягивались за часы, но и инфекция гонялась за ними с той же скоростью. Ирен потом скажет, что видела заживление, какое нельзя видеть у живого человека, не испытав головокружения: рубец на бедре Кайа зрел, наливался, белеел — на ее глазах, за полчаса, как сырость на стекле.

Хана постарела.

Не «постарела» — так не скажешь, в этом слове нет того, что они увидели. Ей было тридцать четыре. Теперь ей было тридцать четыре и одиннадцать месяцев. Возраст — не главное, главное было лицо: из него ушла какая-то детская круглота щек, которую она сама не знала, что носит. Скулы. Мешки под глазами. Взгляд — а вот взгляд был тем же, абсолютно тем же, и это было хуже всего, потому что взгляд говорил: внутри по-прежнему она. Та же, что утром говорила «ладно» и понеслась.

«— Не смотри на меня так», — сказала она Ирен по-английски, потому что по-русски думала, а по-английски говорила, когда хотела выглядеть специалистом. — Я в порядке. Я на одиннадцать месяцев старше, чем была на завтраке. Я пережила одиннадцать месяцев за утро. Пойми, каково это — получить одиннадцать месяцев опыта до обеда.

— Что ты видела? — спросила Ирен.

— Я? — Хана помолчала. — Я видела, как цветет вся низменность. Сорок дней за час. Я видела весну. А потом зиму. А потом снова весну. Знаешь, что самое страшное? Ничего страшного там не было. Мы сломали Кайу ногу, я искала его в снегопаду, я ночевала в расщелине, я сидела у огня восемь ночей подряд, разговаривала с ним, кормила его с ложки — он ненавидит, когда я это рассказываю. Для меня это была жизнь. Настоящая. Долгая. — Она посмотрела на свои руки, на кольцо, которое с утра было ее размера. — А для тебя между моим «кажется, река несет быстрее» и моим «все в порядке» — сорок минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.